

СОДЕРЖАНИЕ

Список иллюстраций	6
О книге	7
Предисловие	9
1. КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ	13
2. МАСЛО И ВОДА: ФОРМАЛИСТЫ И ПРОГРЕССИСТЫ	31
3. ТРАДИЦИИ РАЗВИВАЮТСЯ: ИДЕИ НА ПРАКТИКЕ	52
4. БОЛЬШИЕ ИДЕИ XX ВЕКА	66
5. АНАЛИТИКИ И ТЕОРЕТИКИ: КАКАЯ ОТ НИХ ПОЛЬЗА?	96
6. ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА	117
7. БОЛЬШЕ НИКАКОЙ ШКОЛЫ!	137
Библиография и литература для дополнительного чтения	157

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1.** Густав Адольф Шпангенберг. «Школа Аристотеля» (изображение Лицея) 17
Wikimedia Commons /
<Spangenberg - Schule des Aristoteles.jpg>
- Рис. 2.** Типичная организация групповой работы в классе (начальная школа) 56
Рисунок автора
- Рис. 3.** Джон Дьюи 67
Wikimedia Commons / <John Dewey cph.3a51565.jpg>
- Рис. 4.** «190 разделить на два...» 78
Карикатура Вахана Ширваняна
© Vahan Snirvanian
www.CartoonStock.com <vsh0277>
- Рис. 5.** «Доктор, похоже, Вы открыли формулу успеха!» 110
Карикатура бр. Томасов
© Thomas Bros
www.CartoonStock.com <tbrn278>
- Рис. 6.** Хроника образовательных идей (масштаб весьма приблизительный) 155
Рисунок автора

Автор этой книги — Гэри Томас — всю свою жизнь посвятил образованию. Он работал школьным учителем и школьным психологом, преподавал в нескольких британских университетах, занимался исследованиями различных проблем образования. На основе накопленного опыта и своего понимания развития образования (преимущественно школьного) на протяжении многих веков он и написал эту книгу для весьма разнообразной серии под общим названием «Очень краткие введения». Цель этой серии — познакомить занятых читателей с самыми разными понятиями, историческими персонажами и даже целыми областями человеческой деятельности.

Сама по себе попытка отразить в книге небольшого объема сложный и противоречивый процесс формирования и изменения взглядов на образование заслуживает уважения. Как выделить основные события этого многовекового процесса? Очевидно, что всегда найдутся жесткие критики, готовые указать автору на пробелы в освещении этих событий или на их спорную интерпретацию. Полагаю, что, работая над книгой, Г. Томас понимал неизбежность подобной критики. Но он не убоился ее, проявив тем самым недюжинное мужество.

История образования (и ее часть — история педагогики) — интереснейший объект исследования. С одной стороны, события, происходившие в этой области в разные эпохи, удивительно наглядно отражают динамику цивилизации, поскольку они связаны с пониманием смысла существования и развития человека, которое менялось и продолжает меняться с момента зарождения цивилизации. С другой стороны, образование — область весьма прагматическая, касающаяся каждого из нас, поскольку полученное (или не полученное) образование в значительной степени определяет

нашу жизнь. Поэтому знакомство с историей образования позволяет связать весьма общие темы с темами совершенно конкретными.

Очень краткому введению в предмет вряд ли необходимо пространное предисловие. Поэтому сформулируем лишь основные причины, почему стоит познакомиться с книгой Г. Томаса.

Читателю будет представлен поток идей относительно целей и форм образования. Читатель с критическим мышлением получит пищу для раздумий о том, почему споры на эту тему не затихают на протяжении многих столетий. В книге можно найти рассказы об очень интересных людях, как теоретиках, так и практиках, много сделавших для расширения наших представлений о смысле и возможностях образования.

В книге Томаса раскрываются и драма идей, и драмы людей. Трудно избежать слова «драма», когда знакомишься с весьма убедительными идеями Ивана Иллича относительно необходимости «освобождения от школ», одновременно понимая, скольких людей, талантливых и преданных своему делу, могла бы затронуть реализация этих идей. Трудно не назвать драматической судьбу Сирила Бёрта, который ради распространения идеи, в которую фанатически верил, решился на многолетние фальсификации при проведении исследований.

Конечно же, специалисты по истории образования могут указать на важные теории и события, не нашедшие отражения в этой книге. Она, без сомнения, концентрирует внимание на развитии западной образовательной традиции. Но эти ограничения не делают ее менее привлекательной. Книга Томаса дает возможность войти в мир проблем современного образования, и ради этого ее стоит прочитать.

Сергей Филонович,
*профессор НИУ ВШЭ,
научный редактор перевода*

Предисловие

Лишь очень немногие хорошо представляют, почему школы существуют в своем нынешнем виде: интеллектуальные традиции, сформировавшие образование, остаются неразличимыми для большинства наблюдателей. Это какой-то странный пробел в общественном знании. Например, с физикой и биологией дело обстоит по-другому. Большинство образованных неспециалистов сумеют набросать пару связных предложений об Эйнштейне и Ньютоне, а о Дарвине так даже целую страницу. Даже в случае с экономикой многие способны выдать что-то вполне осмысленное о Кейнсе и Марксе. Но вот имена Дьюи или Пиаже у большинства людей, боюсь, скорее вызовут недоумение. Возможно, именно этим пробелом в представлениях о том, что такое образование и какой путь развития оно прошло, объясняется скудость творческого воображения в деле его улучшения.

По-видимому, этот пробел в знании показывает, как мы на Западе относимся к образованию. Вот характерный пример. Когда американский философ Джон Дьюи — возможно, величайший мыслитель в Новейшей истории, занимавшийся вопросами образования, — посетил в 1928 г. Китай, где ему должны были присвоить почетную ученую степень Пекинского Национального университета, ректор представил его как «второго Конфуция». Вряд ли это было преувеличением или шуткой — в конце концов, дело было в Китае, а сравнения с Конфуцием в Китае никогда не бывают неосмотрительными. Дьюи снискал высшую похвалу!

Однако, сокрушается автор передовицы в «Time», посвященной этому событию, «на десять тысяч американцев не найдется ни одного, хоть что-нибудь слыхавшего о Джоне Дьюи». И в наши дни мало что изменилось (нет, это не тот Дьюи,

который изобрел систему библиотечной классификации). Большинство людей на Западе полагают, что обязательное посещение школы в течение десяти лет — это все, что им нужно знать об образовании. Знаменитая фраза Джона Мэйджора (британского премьер-министра в 1990–1997 гг.) о том, что дети должны прилежнее заниматься образованием в школе, выдала его с головой — очевидно, «образование» для него было просто-напросто такой штукой, которой занимаются в школе. И не более того.

Это не просто краткое введение — это *очень* краткое введение, и поэтому упрощения, поверхностные обобщения, упущения и банальности в нем неминуемы. «Как же мне этого избежать?» — гадал я, садясь за работу. Непростой вопрос, особенно если учитывать широту темы. Я понял, что обо всем написать не удастся, — во всяком случае, без упрощений. Поэтому я пожертвовал полнотой обзора ради обсуждения сути вопроса и сосредоточился скорее на идеях, нежели на фактах.

Представляя себе читателей «Очень краткого введения» как умных и образованных людей, возможно, не обладающих специальными знаниями об этом предмете, я решил попробовать рассказать историю — точнее, ряд историй — о том, каким образом формировались идеи об образовании. Эти истории часто переплетаются, так что не ждите простого и ясного повествования о поступательном становлении образования: его становление оказывалось под сильным влиянием развития психологии, тестирования, результатов исследований, посвященных воздействию образования.

Мои взгляды на образование преломляются сквозь призму моих собственных школьных бед. Когда я завалил переходный экзамен из начальной школы в среднюю, мои мудрые родители перевели меня в дешевую (во всех смыслах этого

слова) частную школу, эдакую Академию Дотбойс-Холл¹ наших дней.

И здесь в течение всего одного урока я получил 23 удара тростью (дело было в 1966 г.) от учителя английского по прозвищу Шизик. Его трость прозывалась мистером Уиппи², в честь очень распространенной в то время марки мороженого. Как любил приговаривать Шизик, знакомя очередного ученика с мистером Уиппи, «кому мороженое, а кому и по роже»³. Судя по всему, это казалось ему очень смешной шуткой. Когда эта школа, по счастью, обанкротилась, меня отправили в местную общеобразовательную среднюю школу⁴, а когда я сдал достаточное количество всяческих экзаменов, меня допустили сначала в классическую среднюю школу⁵, а затем в университет.

После университета я работал учителем начальной школы, школьным психологом и преподавателем в пяти университетах. За время моей профессиональной карьеры я побывал в 200 или 300 школах, работал в пяти органах местного управления и был членом родительского комитета в государственной единой средней школе, где

¹ В романе Ч. Диккенса «Николас Никльби» — частная школа с палочной дисциплиной. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Mr Whippy (мистер Сбитень) — игра слов: to whip — сечь, по-роть; whipped cream — взбитые сливки.

³ Makes you scream, not ice cream — игра слов. Букв.: «заставляет тебя кричать, а не [делает] мороженое». Вариант перевода — «взобьет тебя, а не сливки».

⁴ Secondary modern school — тип средней школы, просуществовавший в Британии с 1944 г. до начала 70-х годов. Сюда по результатам переходного экзамена из начальной школы в среднюю (так называемый Eleven plus exam, поскольку дети сдают его в возрасте 11–12 лет) зачисляли тех, кто считался неспособным к техническому или гуманитарному образованию.

⁵ Grammar school — грамматическая школа, в Британии классическая гимназия, дающая право на поступление в университет.

учились мои собственные дети. Я периодически оказывал услуги таксиста своим двум дочерям, когда они учились каждая в своем университете. Я могу с полным правом заявить, что знаю учебные заведения, как поется в песне Джони Митчелл, «изнутри и снаружи», и поэтому в книге нашлось место и моим собственным взглядам на образование.

Я хочу поблагодарить обеих моих дочерей за помощь в работе над книгой — Кейт помогала мне с иллюстрациями, а Эмили, которая работает учительницей в средней школе, сделала множество очень полезных замечаний по черновому варианту книги. Я бесконечно благодарен безымянным британским и американским читателям за бесценные комментарии, огромную поддержку и за то, что они всячески поощряли меня открыто высказывать мое собственное мнение. Благодарю также моих коллег по педагогическому факультету Бирмингемского университета за их советы и идеи. Все ошибки в фактах и суждениях целиком и полностью остаются на моей совести.

1. КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

По разным оценкам *homo sapiens* расселился по нашей планете от 30 до 200 тысяч лет назад, никто не знает, когда в точности. Но зато мы точно знаем, что мозг у этого нашего предка был таким же, как у нас. Физически мы тоже не изменились: лишних нейронов не прибавилось, и связи между ними не улучшились. Но вот инструменты мышления — идеи, гипотезы, теории, модели — волшебным образом усовершенствовались. Мы научились, не без большого труда, рисовать, писать, мыслить, и то, чему мы научились, стало передаваться потомкам. Единственная причина, по которой современный человек умнее и искуснее древнего, — причина, по которой Аристотель, Микеланджело и Эйнштейн просияли на интеллектуальном небосклоне в последние 2 тысячи лет, а не 30 тысяч лет назад, — заключается в том, что мы накапливаем знания и передаем информацию из поколения в поколение. Накопление приводит к совершенствованию. Количество переходит в качество.

Траектория развития *homo sapiens* резко пошла вверх не только потому, что мы такие сообразительные, но прежде всего потому, что наш вид научился выражать и хранить знание в особых звуках, в языке, и затем научился играть с этим знанием — наращивать его, лепить, выковывать, овладевать с его помощью прошлым, предсказывать и планировать будущее. И что самое замечательное: мы можем им делиться и использовать его в качестве основы; мы можем передавать его своим потомкам, друзьям и коллегам. Наша сообразительность привела к чему-то, что даже поважнее сообразительности. Она привела к тому, что мы научились делиться

идеями и передавать навыки и знания. Она привела к тому, что возникло образование.

Образование осуществляется во множестве коммуникативных форм: родители что-то объясняют своим детям; друзья обмениваются идеями; люди демонстрируют друг другу различные умения; искусные мастера обучают подмастерьев ремеслу; учителя обучают молодежь в школах и университетах. Оно осуществляется на протяжении всей нашей жизни: по бессмертному выражению Риффа из «Вестсайдской истории», «от утробы вплоть до гроба». Все на свете — образование. Нам нужно раз и навсегда запомнить: образование — это не только школа и институт. Эта книга посвящена главным образом учебным заведениям и тому, что в них происходит, потому что это такие особые институции, которые мы создали с образовательными целями. Но нельзя забывать, что воспитатели и педагоги веками боролись за то, чтобы в учебных заведениях действительно занимались образованием, потому что два этих феномена, школы и образование, как это ни печально, не обязательно связаны друг с другом.

Самые знаменитые высказывания об образовании указывают на сомнительную связь образования со школой, причем школа в них обрисована весьма нелестно. Например, Марку Твену принадлежит острота: «Я никогда не позволял школе вмешиваться в мое образование». Ему вторит Уинстон Черчилль: «Мое образование прерывалось один-единственный раз — в школе». А Альберт Эйнштейн утверждал, что «образование — это то, что останется, если хорошенько забыть все, чему выучился в школе». В чем тут смысл? В том, что школы не только не обязательны для образования, но даже могут ему помешать.

Как же мы дошли до того, что самые блестящие умы (а также и не столь блестящие) с непри-

язнью вспоминают годы, проведенные в школе? Как мы добрались до точки, где образование и школьное обучение настолько разошлись между собой? Стоит вспомнить, что слово «образование» (education) происходит от латинского глагола *educere*, что буквально означает «выводить наружу» — т.е. вскармливать, пестовать скрытые таланты и способности, оттачивать умения. Как так получилось, что школьная деятельность настолько далека от подобных задач? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, я начну с краткого обзора истории школьного обучения и проблем, возникавших по мере становления образования.

ШКОЛЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

Первые подробные сведения о том, с чего начинались школы и что люди думали тогда по поводу образования, восходят к античной Греции V–IV вв. до н.э. Слово «школа» происходит от греческого «схоле»; «схоле» в переводе означает «досуг», что само по себе указывает на то, насколько значительные изменения претерпела с тех пор идея образования. Судя по всему, досуг ассоциировался с обучением и размышлением. У греков были начальные школы, где обучали чтению и арифметике, и школы для юношей-эфебов (что-то вроде нашей средней школы) с экзаменами по геометрии, музыке, грамматике и риторике в конце учебного цикла. Все это напоминает нашу систему обучения.

Еще у них были гимнасии, например, академия Платона и ликей Аристотеля, где молодые люди (только мужского пола) упражнялись обнаженными, готовясь к публичным играм. Помимо тренировок в обнаженном виде тут проводились уроки, беседы и исследования. Добавьте одежду и получите зачатки современного университета.

В диалоге «Государство» Платон рассуждает об идеальном устройстве государства, в том числе о системе образования. Предвосхищая идеи просвещенных воспитателей, которые появятся лишь два тысячелетия спустя, Платон говорит (по обыкновению излагая свои мысли в виде сократического диалога):

— Значит, счет, геометрию и разного рода другие предварительные познания, которые должны предшествовать диалектике, надо преподавать стражам еще в детстве, не делая, однако, принудительной форму обучения.

— То есть?

— Свободнорожденному человеку ни одну науку не следует изучать рабски. Правда, если тело насильно заставляют преодолевать трудности, оно от этого не делается хуже, но насильственно внедренное в душу знание непрочное.

— Это верно.

— Поэтому, друг мой, питай своих детей науками не насильно, а играючи, чтобы ты лучше мог наблюдать природные склонности каждого.

«Государство», 536d–537a¹.

Здесь Платон привлекает внимание к проблеме, которая остается актуальной и по сей день; она лежит в основе практически всех тех тем, что я собираюсь затронуть в этой книге. Это напряжение, возникающее между двумя принципиально расходящимися направлениями образовательной мысли: должны ли мы требовать от детей заучивания фактов и идей, которые мы им сообщаем? Или же нам следует поощрять у них самостоятельный поиск знаний?

¹ Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971.

Рис. 1. Густав Адольф Шпангенберг. «Школа Аристотеля» (изображение Лицея)

Эти соображения Платона были выдвинуты, по-видимому, в противовес не только дидактическому уклону древнегреческой образовательной системы, но и жестокости ее дисциплинарных методов (о которых мы можем судить, например, по «Мимиамбам» Герода). В сценке под названием «Учитель» мать приводит сына к учителю, жалуясь на его непослушание и лень. Она просит его пороть ее сына: «пори, да так пори, чтобы / Душонка гадкая лишь на губах висла!».

«Он ни аза не разберет в письме, если / Ему не повторить, ну раз с пяток, буквы...», — жалуется мать. Учитель по имени Ламприск рад ей услужить: «А где мой едкий бич, где бычий хвост, коим / Кандальников и лодырей я всех мечу? / Подать, пока не вырвало меня желчью!». Далее следует сама порка, которую Ламприск осуществляет весьма энергично, пока не замечает, что мальчик стал «змеи пестрее». Но мать просит его не останавливаться: «Ламприск, надо / Не отпускать, а драть, пока зайдет солнце!». Античная Греция была явно не лучшим местом для строптивого ученика. Считалось, что чем строже наказание, тем лучше будет ребенок учиться. «За книжкой / Безделицу — ударов двадцать, не больше — Получит он, хотя бы вдруг читать

начал / Складней, чем Клио», — говорит Ламприск².

Нетрудно заметить, что природа споров по поводу процесса обучения не слишком изменилась за прошедшие тысячелетия. В свете «Мимиаμβов» предписания Платона делать упор на игру, а не на принуждение, могут рассматриваться как первая попытка образовательной реформы: здесь уже наметились зачатки широкой дискуссии о том, что такое ребенок и чего нам от него ждать.

Римляне переняли множество греческих школьных обычаев, в том числе и приверженность телесным наказаниям. Блж. Августин, епископ Гиппонский, писал в IV в. н.э.: «Меня отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били»³. Порка была вездусущей; А.Ф. Лич делает вывод из отдельных упоминаний у Горация и Ювенала, что она была, по сути, краеугольным камнем школьной науки: «Это была закалка характера... занятия начинались на рассвете и сопровождались окриками и битьем мальчиков палкой (*ferula*), плеткой (*scutica*) и розгой (*flagellum*), почти в точности, как в английских школах вплоть до 1850 года». Порка превратилась в целое искусство. Когда изучаешь, как развивались школы на протяжении столетий, поневоле приходишь к выводу, что эта неизменная характеристика обучения — телесные наказания — напрямую связана с тем, как принято было относиться к молодым людям, посещавшим школу. Если бы дети хотели делать то, чего требовали

² Перевод Г. Церетели (*Менандр, Герод. Комедии. Мимиамбы*. М.: Искусство, 1984. С. 219–224).

³ Перевод М. Сергиенко (*Аврелий Августин. Исповедь*. М.: Гэндалф, 1992).

от них учителя, разве понадобилось бы битье? Тем не менее необходимость порки всегда была предметом для дискуссий, и даже в Древнем Риме возникали сомнения в ее ценности: великий римский воспитатель Квинтилиан, например, телесных наказаний не одобрял. (Правда, он, к сожалению, настаивал, что порка годится для рабов, — тем самым про него все-таки никак нельзя сказать, что он опередил свое время.)

Римская система школьного образования в целом строилась по греческому образцу. Существовали небольшие школы для мальчиков — только мальчиков, причем привилегированных (не будем забывать, что треть населения Рима составляли рабы), и школы с наставниками для мальчиков и девочек. Мальчики помладше ходили в грамматическую школу, это означало, что изучали они там грамматику (в отличие от английской *grammar school*, которая подразумевает особый отбор учеников). Затем они переходили в риторическую школу, где изучали, понятное дело, риторику. С точки зрения Лича, важность преподавания риторики объясняется тем, что целью римского образования было «подготовить мальчика к общественной жизни в качестве судебного защитника или государственного деятеля — обычно и того и другого, — а для этого требовалось обучить его искусству публичных выступлений».

Развитие образования несколько затормозилось после падения Рима, пока Карл Великий, король франков, не издал в VIII в. капитулярий («Общее увещание»), в котором повелел: «И пусть устраиваются в монастырях и епископствах школы для обучения мальчиков псалмам, нотам, пению, счету и грамматике».

Главным советником Карла по интеллектуальным вопросам был Алкуин Йоркский, кото-

рый написал учебники по грамматике, риторике и диалектике. Именно Алкуин занимался разработкой образовательного цикла, состоявшего из тривия (грамматика, логика, риторика) и квадривия (арифметика, астрономия, геометрия и музыка). Эти так называемые семь свободных искусств составили основу образовательной программы первых университетов в Болонье, Париже и Оксфорде в XI и XII вв.

Возрождение образования в ту эпоху распространялось главным образом на церковные круги, но и населению в целом тоже досталось кое-какое (в основном религиозное) образование. Вскоре после издания капитулярия Теодульф, епископ Орлеанский, повелел, чтобы «пастыри создавали школы в каждом городе и деревне, и если кто из преданных вере пожелает препоручить их попечению своих детей, дабы те выучились чтению, то не отказывать им в этом, но обучать детей безвозмездно».

Значительные перемены, проистекавшие из этого культурного минивозрождения, были обусловлены отнюдь не только капитулярием Карла. Они были укоренены в новом рационализме: в XIII и XIV вв. идеи Аристотеля стали проникать в богословское мышление благодаря таким фигурам, как Фома Аквинский и Уильям Оккам (с его знаменитой бритвой). Рационализм становился вызовом для вероучения: вопросам познания, исследования и обучения начали уделять все больше внимания. В монастырских и соборных школах, а также в университетах складывались новые формы обучения: *lectio*, чтение учителем текста, не предполагавшее вопросов (предтеча современной лекции); и *disputatio*, предложение предмета для обсуждения и спора.

В поздние Средние века, но еще до изобретения книгопечатания, стали возникать и другие

виды школ. Выдающийся американский педагог Нил Постман полагает, что они были связаны главным образом с обучением определенному ремеслу — все остальное не считалось достойным изучения. Поэтому никакого начального образования не существовало: пока благодаря книгопечатанию чтение не стало широкодоступной возможностью, базовое образование, заключавшееся в обучении чтению и письму, не было востребовано. Обучение было подчинено действию, в котором требовалось устное, а не письменное слово. Как пишет Постман: «Если средневековый ребенок попадал в школу, то происходило это, по-видимому, в возрасте примерно 10 лет или позже. Вероятно, ему тогда приходилось жить самостоятельно в городе, вдали от семьи, и обучаться в одном классе со взрослыми людьми всех возрастов, не ощущая, что он чем-то от них отличается».

«ПОЛЗУЩИЙ НЕОХОТНО В УЧИЛИЩЕ»

Перенесемся немного вперед, в шекспировскую Европу. На дворе 1575 год, ярко сияет солнце Возрождения, и учеба снова вошла в моду. К этому моменту школы уже практически приобрели свой современный вид. Школьный опыт Шекспира если и не совпадал полностью с опытом нынешних школьников, то уж во всяком случае во многом его напоминал. Во времена Шекспира обучение велось в основном на латыни, учебный день составлял 11 часов, а занятия проводились в просторных классах, в которые школьников распределяли по возрасту; но в целом зародыш современной школы уже вполне просматривается.

Откуда взялись такие перемены за столь короткое время? Изобретение в XV в. книгопеча-

тания привело к тому, что гораздо больше людей стали ценить грамотность. Вообще-то это очень мягко сказано! Мне следовало сказать, что изобретение книгопечатания поистине изменило мир в отношении развития мысли и образования и в конце концов привело к расцвету интереса к искусству, философии, литературе и науке — то есть к Возрождению. Вполне возможно, что тут случился некоторый перебор. Свет, наверное, был слишком ослепительным, а просторы, открывшиеся для учебы, слишком широкими — у начинающих воспитателей и педагогов того времени попросту закружилась голова. Как изголодавшиеся люди, внезапно попавшие на пирушку, они хотели всего и сразу. Они хотели, чтобы молодежь научилась всему, — предмет за предметом, факт за фактом, правило за правилом.

Так возникла учебная программа, в ходе которой преподавались наиболее важные предметы, или по крайней мере те, что считались самыми важными среди всего этого необозримого изобилия знаний. Учебная программа продолжала усложняться, разветвляться и принимать все более определенные очертания. Конечно, само по себе это усложнение было не таким уж плохим. Но по мере того как повышались требования к программе, были созданы совершенно незыблемые основы и правила, на века предопределившие развитие образования.

Обучение стало фокусироваться на предмете, а не на ребенке. Классическое образование стало основой обучения, смесью ностальгии и благоговения перед Античностью, Грецией и Римом. Поскольку латынь была языком обучения, ей была посвящена львиная доля этого обучения. Это казалось само собой разумеющимся. Поэтому когда Шекспир закончил школу для маленьких (*petty school*, приблизительный аналог нашей началь-

ной школы), где он изучал «три Р»⁴, он перешел в грамматическую школу (наши старшие классы), где основной упор делался на изучение латыни и творений великих древних — Овидия, Цицерона и Вергилия.

Я обратился к Шекспиру ради драматического эффекта: можно без преувеличения сказать, что литературе новый тип школьного обучения пошел на пользу. Но отвлечемся на минутку от Шекспира: а как насчет его школьных соотечественников, которым не суждено было стать великими драматургами? Какую пользу принесла им латинская грамматика? В творениях самого Шекспира мы находим насмешку Барда над некоторыми формами школьного обучения. В «Виндзорских насмешницах» (акт IV, сцена 1) он потешается над тем, как напыщенный учитель сэра Хью Эванс допрашивает юного Уильяма Пейджа:

Эванс:

Что такое lapis, Уильям?

Уильям:

Камень.

Эванс:

А камень — что такое?

Уильям:

Ну, булыжник.

Эванс:

Нет, камень — это lapis. Запомни раз навсегда.

Уильям:

Lapis.

Эванс:

Хорошо, Уильям. А ну-ка, скажи, от какой части речи происходят артикли?

⁴ Three Rs — *reading, writing, arithmetic* (чтение, письмо, счет).

Уильям:

От местоимений и склоняются так: именительный единственного числа: *hic, haec, hoc*.

Эванс:

Правильно. *Singulariter, nominativo: hic, haec, hoc*. И, пожалуйста, запомни — родительный, *genetivo — hujus...* Ну, а как будет винительный падеж — *accusativo*?

Уильям:

Accusativo — hinc.

Эванс:

Запомни же, дитя мое, *accusativo — hunc, hanc, hoc*⁵.

И сейчас очевидное часто ускользает от нас, когда мы решаем, чему следует учить в школах. Во времена Шекспира, как и в наши дни, учеба по большей части неизбежно превращалась для большинства детей в каторжный труд, способный скорее погубить в зародыше первоначальное любопытство, нежели дать ему расцвести. В основу образовательного процесса, очертания которого были predeterminedены на века вперед — вообще-то, вплоть до наших дней, — были положены не слишком хорошо продуманные представления о том, что должно составлять самую суть обучения.

Что же дало это упорное вдавливание латинских спряжений? Шекспир так написал об этом в комедии «Как вам это понравится»: «плаксивый школьник, / С блистающим, как утро дня, лицом / И с сумочкой ползущий неохотно / Улиткою в училище»⁶.

⁵ Перевод С. Маршака и М. Морозова (*Шекспир У. Полное собрание сочинений*: в 8 т. Т. 4. М.: Искусство, 1959).

⁶ Перевод П. Вейнберга (*Шекспир У. Как вам это понравится*. СПб.: Изд. дом «Кристалл», 2002).

Здесь любопытно отметить, что «плаксивый» и «неохотно» находятся в одном ряду с «блистающим, как утро дня, лицом». Шекспир сопоставляет ярко пылающую энергию юности с тем эффектом, который оказывает на эту юность школа, присыпающая золой пламя любопытства, творческого воображения и изобретательности.

ЗАПРОС НА ПЕРЕМЕНЫ

Когда-то все было очень просто: молодые люди выучивались всему тому, что им необходимо было знать для овладения ремеслом или профессией; они руководствовались ясной целью. Потом наступила эпоха Возрождения и предложила обилие знаний для услаждения образованных людей. Обучение самостоятельному мышлению, столь ценное Платоном, оказалось погребено под массой всех этих возможностей — возможностей, превратившихся в безжизненные императивы.

Но стали раздаваться голоса, утверждавшие, что все может быть по-другому, и заново ставившие вопросы о цели обучения, которые интересовали еще древних. Учеба ради учебы шекспировских времен была поставлена под сомнение. Некоторые преподаватели отстаивали идею обучения через действие, например, наставник Елизаветы I, Роджер Эшем (1515–1568), в своем трактате «Школьный учитель» пишет: «Наставляйте детей в учении не принуждением и страхом, а игрой и удовольствием». Уильям Петти, служивший врачом в армии Кромвеля в 1647 г., отмечал: «...мы видим, что дети с удовольствием возятся с барабанами, дудками, скрипочками и ружьями, смастеренными из бузиновых веток, каминных мехов, ключей и тому подобного, рисуют флаги соком бузиновых ягод и маковых лепестков, из бумаги делают кораблики и даже

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.